

Сай Юн

Шелест бессмертника

Юн С.

Ю49 Шелест бессмертника / Сай Юн. – М.: Литнет, 2026. – 106 с.

ISBN 978-5-521-99656-8

Она – хранительница старого Погоста. Дочь самой Марены, богини Смерти. Веками Цмина следит, чтобы мёртвые лежали смирно, а живые не тревожили прах. Под личиной сгорбленной старухи скрывается прекрасная дева с венком из бессмертника в волосах. Её удел – тишина. Вечная, как могильная земля.

Он – Позвизд, внук Стрибога. Дух ветра, вестник дурных новостей и неисправимый болтун. Он не может находиться на одном месте дольше заката, иначе исчезнет навсегда. Но однажды, спасаясь от грозы Перуна, он ныряет в единственное место, куда не бьют молнии, – на Погост Цмины.

Она должна выгнать его. Владения Марены неприкосновенны для живых духов. Но Позвизд рассказывает ей о мире за пределами кладбищенской ограды. О морях, пахнущих солью. О городах выше сосен. И приносит пряник – простой медовый пряник, вкус которого Цмина забыла триста лет назад. Теперь Марена в ярости. На Погост надвигается Навий День – время, когда мертвецы встают из могил. Позвизд ещё может улететь. Он – ветер, он не знает привязи. Но впервые в жизни он решает остаться.

Что будет, если ветер перестанет быть ветром? И сможет ли дочь Смерти полюбить, не предав свою природу? Тёмное славянское фэнтези о любви, которая пахнет мёдом и могильной землёй.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99656-8

© Литнет, 2026
© Юн С., 2026

Пролог. Голос, не знающий тишины

Гроза пришла не с запада, как обычно, а сразу отовсюду. Небо над Пустошью треснуло по швам, и в прореху хлынул гнев Перуна – ослепительно-белый. Он пах калёным железом и палёной овечьей шерстью, словно невидимые отары паслись прямо на тучах.

Позвизд нёсся впереди грозы, давясь собственным смехом. Встречный ветер выбивал из лёгких воздух, мешая дышать. Крылья из сухих кленовых листьев, скреплённые паутиной и сквернословием, трещали за спиной, роняя рыжую труху. Он был вестником – тем самым, кого посылают, когда новость слишком дурна, чтобы доверять её птице. Сегодня он нёс весть о неурожае в деревню Кривые Луки, но по дороге свистнул у зазевавшегося Овинника горсть зерна, и теперь Перун, ревнитель порядка, гонялся за ним по всему поднебесью, целясь в особенно вертлявый хвост.

– Я всего лишь сквозняк! – крикнул Позвизд в грозное небо, уворачиваясь от копыя-молнии. – Не по чину мне грозу за спиной таскать!

Небо ответило таким раскатом, что у Позвизда на миг пропал слух, а листья на крыльях свернулись в трубочки от жара. Кленовая труха вспыхнула и осыпалась пеплом.

Он падал. Не камнем вниз, а так, как падает осенний лист – кружась, цепляясь за потоки тёплого и холодного воздуха. Внизу расстилалось море полыни, а посреди него – тёмная заплата. Старый Погост. Место, отмеченное знаком Марены. Там не звонили колокола, туда не заходили собаки, и даже самые отчаянные грозовые тучи обходили это место стороной, словно боясь намочить могильный мох.

Позвизд знал правила. Духам ветра и вестникам нельзя задерживаться дольше, чем от заката до заката. Но умирать от молнии прямо сейчас ему хотелось ещё меньше.

Он рухнул в заросли крапивы у самых ворот Погоста. Ветви старой ели сомкнулись над головой, отрезая грохот грозы. Стало тихо. В этой тишине он услышал, как в могиле под ним кто-то ворочается, потревоженный во сне.

– Живой дух, – раздался голос, похожий на скрип несмазанной калитки. Голос шёл не снаружи, а словно из-под земли, пробиваясь сквозь корни и слежавшуюся листву. – Живым здесь не рады. Тем более мёртвым.

Позвизд приподнялся на локтях и увидел Её.

Цмина.

Сгорбленная старуха в чёрном заплатанном платке. Клюка в руке была вырезана из позвонка какого-то очень крупного зверя, а может, и не зверя вовсе. Она стояла на тропе, ведущей к покосившимся крестам, и смотрела на него. Глаза у неё жили отдельно от лица – цвета первой весенней травы, что пробивает прошлогодний снег. В них всё ещё стояла какая-то давняя, забытая весна.

– Я ненадолго, бабуль, – Позвизд попытался обаятельно улыбнуться, но улыбка у вестника дурных новостей всегда выходит криковатой. – Перун малость не в духе. Пересижу, ветры подлатаю – и дальше.

– Ветер на привязи не держат, – Цмина стукнула клюкой о землю. В ответ из глубины кладбища донёсся глухой, согласный стон. – Уходи, пока я не забыла, что должна охранять покой, а не нарушать его.

– А что ты слышала последние сто лет, кроме воя вдов? – вдруг спросил Позвизд. Его голос на секунду перестал быть насмешливым. – Я расскажу тебе, как пахнет море за Студёным морем. Как скрипит песок в полуденных землях. Как выглядит город, где дома выше самых высоких сосен.

Цмина замерла. Её узловатые пальцы сжали посох так, что побелели костяшки.

– Ты лжёшь. Вестники всегда лгут, – прошептала она, но в голосе не было уверенности. В нём плескалась тоска – глубокая, тягучая, как могила, выкопанная в промёрзшей земле.

– Лгу, – легко согласился Позвизд, падая спиной на кучу прелых листьев и глядя сквозь ветки на уходящую грозу. – Но если разрешишь остаться до рассвета, я сокру тебе так красиво, что ты согласишься.

Она ничего не ответила. Просто развернулась и ушла вглубь Погоста, растворившись в тумане, что стелился по земле, словно дыхание самой земли, уснувшей до Ярилы.

Позвизд закрыл глаза. Он знал, что она вернётся. Они всегда возвращаются. Смерть скучает по Жизни гораздо сильнее, чем Жизнь боится Смерти.

А из тумана, уже скрывшись меж могил, Цмина – Упырица, что стала Берегиней Погоста, дочь Марены, приставленная к последнему покою, – впервые за триста лет почувствовала, как колотится то, чего у неё быть не должно.

Сердце.

Она уходила вглубь владений, и сухие лепестки бессмертника на её голове чуть слышно шелестели, повторяя имя, от которого она почти отвыкла за три столетия. Цмина. Цми-на. Словно ветер пробовал его на вкус и не находил нужных нот. Словно само время спотыкалось о слоги, разучившись выговаривать имена мёртвых хранительниц.

А Позвизд, засыпая под корнями ели, ещё не знал, что ветер, рассказавший чужую сказку, иногда сам становится её пленником.

Тишина длиною в триста лет

Погост просыпался не с петухами. Петухи сюда не долетали – ближайшая деревня Кривые Луки лежала в трёх верстах к востоку, за оврагом, за полосой горелого леса, за ручьём, который местные называли Плакун. Петушиный крик гас в этой полосе, словно искра в мокром мху. Погост просыпался сам – медленно, нехотя, как просыпается старик, которому больше незачем вставать.

Цмина сидела на корточках у свежей могилы. Вчера вечером пришли двое мужиков из Кривых Луков, молча вырыли яму, молча опустили завёрнутое в дерюгу тело, молча закидали землёй и ушли, не оглядываясь. Даже комья с сапог не оббили – так спешили покинуть владения Марены до темноты.

Она положила ладонь на рыхлую землю. Холод. Всегда холод, даже в летний полдень. Но под холодом – глухое, едва уловимое биение. Память. Память о том, кем был этот человек, цеплялась за кости, как сухая трава за корни. Старуха. Слепая на левый глаз. Варила лучшую в округе крапивную похлёбку. Боялась грозы. Имя уже выветривалось, как дым из остывшей печи. Прасковья? Пелагея? Не важно. Важно, что покойница лежала смирно. Просто спала. Как и положено мёртвым.

– Спи, – сказала Цмина вслух. – Я посторожу.

Она поднялась, опираясь на посох из позвонка последнего волхва, похороненного здесь двести лет назад, и обошла Погост по периметру. Сорок семь могил. Каждое утро – одно и то же. Проверить кресты. Послушать землю. Успокоить беспокойных. Вернуться к землянке под старой липой. Лечь на травяную постель. Смотреть в темноту. Ждать.

На левом запястье, там, где у живых бьётся жилка, темнело пятно. Не родимое. Не от болезни. Оно появилось сто лет назад и с тех пор медленно, но верно росло, расплываясь к локтю тонкими, как

паутина, прожилками. Марена сказала тогда: «Это цена. Ты хранишь память мёртвых, но сама становишься ею. Когда пятно дойдёт до сердца, ты перестанешь быть собой. Станешь просто Погостом. Просто землёй. Просто шелестом».

Цмина смотрела на пятно каждое утро. Привыкла. Но в последнее время что-то изменилось. Нет, пятно не росло быстрее. Просто ей всё чаще казалось, что ждать этого – скучно. Не страшно. Скучно. Триста лет одно и то же. И ещё неизвестно сколько впереди. Вечность, наполненная чужими воспоминаниями и собственным медленным угасанием.

Иногда она пыталась вспомнить вкус мёда. Не могла.

Гроза пришла ближе к вечеру.

Цмина почувствовала её задолго до первого грома. Воздух сгустился, стал плотным и терпким, как настой на полыни. Небо на западе налилось сизым, почти чёрным. Где-то там, за тучами, метал громы и молнии Перун. Гнев его был направлен не на Погост – Погост был владением Марены, а с ней Перун не ссорился. Гнев предназначался кому-то другому. Кому-то, кто метался в тучах, уворачиваясь от молний, словно заяц от стрел охотника.

Силуэт. Рваный, стремительный. Не птица. Дух.

И он падал.

Цмина не двинулась с места. В её обязанности не входило спасать духов, навлёкших на себя гнев громовержца. Но когда небо разорвала особенно яркая молния, ударившая прямо в тот рваный силуэт, она почувствовала что-то странное. Не жалость. Скорее, смутное узнавание. Словно этот чужак был частью чего-то, что она давно забыла.

Силуэт кувыркнулся в воздухе и рухнул за восточной оградой, в зарослях крапивы. Глухой удар. Треск веток. И – громкая, заливающая брань.

– Чтоб тебя в корягу превратило! В болото! В жабий помёт! Я ж тебе только зерна горсть свистнул, а ты за мной через полнеба! Жадный ты, дядя! Жадный и злопамятный!

Цмина моргнула. За триста лет она слышала разное. Плач вдов. Проклятия врагов. Молитвы. Но чтобы кто-то вот так, в голос, крыл Перуна последними словами, сидя в крапиве у неё под боком...

Она медленно пошла к восточной огаде.

Дух уже выбрался из зарослей и теперь сидел на поваленной берёзе, отряхивая с себя сухие листья и паутину. Выглядел он мятым. словно его долго жевали и выплюнули. Невысокий, шуплый, в сером балахоне, подпоясанном верёвкой. Волосы – пегие, торчащие во все стороны, словно клок сена, в который ударила молния. За спиной трепыхались крылья из кленовых листьев, скреплённых паутиной и, кажется, дурным словом. Один глаз – серый, как грозовая туча. Второй – зеленоватый, как ряска на болоте.

Он заметил Цмину и замер. Усмешка сползла с лица, сменившись настороженным любопытством.

– О. Бабуля. Прости, бабуль, я ненадолго. Пересижу грозу и дальше. Перун у тебя тут не бьёт, верно? Владения Марены, всё такое...

– Живой дух, – произнесла она. – Живым здесь не рады. А мёртвым и давно.

Дух склонил голову набок.

– А ты, стало быть, та самая Берегиня? Упырица, дочь Марены, хранительница Погоста? Я слышал о тебе. Ввали, конечно, как всегда врут вестники, но что-то, видать, и правда было. Говорят, ты стара, как этот Погост, и уродлива, как грех смертный. – Он прищурился, и его разноцветные глаза вдруг стали серьёзными. – Но что-то я не вижу уродства, бабуль. Вижу усталость. Это разные вещи.

Цмина не ответила. Ей полагалось выгнать его. Стукнуть посохом, призвать силу Марены, обрушить на чужака тяжесть Погоста. Так велел долг.

Но вместо этого она сказала:

– Уходи, пока я не забыла, что должна охранять покой, а не нарушать его.

– А что ты слышала за последние сто лет, кроме воя вдов? – спросил он. – Я расскажу тебе, как пахнет море за Студёным морем. Как

скрипит песок в полуденных землях. Как выглядит город, где дома выше самых высоких сосен. Я – Позвизд, внук Стрибога, вестник дурных новостей и, как говорит мой дед, ходячее недоразумение.

Он встал, отряхнул балахон и поклонился – шутовски, размашисто, едва не задев крылом могильный крест.

– Если разрешишь остаться до рассвета, я совру тебе так красиво, что ты поверишь.

Цмина развернулась и пошла прочь, в глубь Погоста, в туман, в тишину.

– Эй! – крикнул он вслед. – Так можно остаться или как?

Она не ответила. Просто исчезла между могил, словно и не было её вовсе.

В землянке она плотно задёрнула заслонку и села на травяную постель. Сердце колотилось.

Она прижала ладонь к груди, не веря себе. Сердце. То, чего у неё не было триста лет. То, что Марена забрала в день посвящения, заменив вечным холодом и покоем. Оно билось – глухо, неуверенно, словно вспоминая, как это делается.

«Это ничего не значит. Просто сбой. К утру он уйдёт, и всё вернётся».

Но сердце не слушалось. И вместе с его ударами в ней просыпалось что-то ещё. Воспоминания. Не чужие – её собственные. Мама печёт пряники. Тёплая печь. Деревянный стол. Смех. Она, маленькая, тянет руки к горячему противню. «Осторожно, обожжёшься!» Но она не обожглась. Она была счастлива.

Цмина зажмурилась. Впервые за триста лет она попыталась вспомнить вкус мёда – и почти смогла.

Утром она нашла его там же, у восточной ограды. Он сидел на поваленной берёзе и плёл что-то из ивовых прутьев.

– Доброе утро, бабуль! А я тебе подарочек сплёл. Смотри, какая красота.

Он протянул ей нечто, отдалённо напоминающее птицу. Крылья кривоватые, клюв косой. Но в этом уродстве было что-то трогательное, живое.

– Это свистулька. Дунешь в хвост – засвистит, как иволга. Ну, почти как иволга. Я в прошлом году у одной иволги учился, но она меня прогнала. Сказала – бездарь.

Цмина не взяла подарок.

– Ты должен уйти.

– С чего бы? Перун успокоился, гроза прошла. Я никому не мешаю. Мёртвые спят. Ты молчишь. Мне тут нравится.

– Погост не место для живых духов.

– А для кого же это место? – он вскинул брови. – Для мёртвых? Так я, может, тоже немножко мёртвый. Ветер – он же ни жив, ни мёртв. Он просто есть. Как ты.

– Я не ветер. Я – память. А память не движется. Она лежит в земле и ждёт, пока о ней вспомнят.

– Скучно же. Неужели тебе ни разу за триста лет не хотелось встать и пойти? Увидеть, что там, за оврагом, за лесом, за горизонтом?

– Нет.

– Врёшь.

Она не ответила. Потому что он был прав. Хотелось. Иногда – до боли, до скрежета зубовного.

Он отложил свистульку и подошёл ближе. Остановился в двух шагах.

– Знаешь, что я думаю? Я думаю, ты не старуха. Ты прячешься. От себя. От матери. От того, что могло бы быть, но не случилось.

– Ты ничего обо мне не знаешь.

– Не знаю, – легко согласился он. – Но могу узнать. Если позволишь.

Он протянул руку – не к лицу, к краю платка, словно спрашивая разрешения. Цмина отшатнулась.

– Не прикасайся.

– Хорошо. Не буду. Но ответь мне на один вопрос, бабуль. Что ты любила, когда была живой? До того, как стать всем этим?

Цмина молчала. Вопрос ударил в неё, словно молния в сухое дерево. Что она любила? Где-то на самом дне памяти что-то теплилось.